

Г. Г. АЛЕКБЕРЛИ

ПРОБЛЕМА ФОНЕМЫ В СВЕТЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ
ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Мы приветствуем опубликование в дискуссионном порядке статьи С. К. Шаумяна «Проблема фонемы»¹, несмотря на то, что мы с ним расходимся во взглядах по всем принципиальным вопросам, затронутым в его статье.

Организованная редакцией «Известий АН СССР, Отд. литературы и языка» дискуссия по поводу некоторых «непоколебимых» положений учения о фонеме, несомненно, поможет советскому языковедению освободиться от идеалистических и метафизических установок и в области теории фонем.

Разногласия по всем принципиальным вопросам теории фонем основаны прежде всего на разногласии по вопросу о том, что такое фонема.

Что такое звук речи и что такое фонема?

1. Звук речи — это исторически сложившаяся по законам развития звукового строя данного языка простейшая (т. е. не делимая на самостоятельные части) единица звуковой материи языка, служащая средством построения (следовательно, и различения) слов и отражающаяся нашим мышлением путем абстрагирования от самых разнообразных акустических признаков индивидуального и интонационного порядка.

Фонема же — это сущность звука речи, представляющая то общее, которое объективно существует в самих звуках речи, составляя внутреннюю их основу, их внутренние связи, закономерности их позиционных (комбинаторных) изменений. Фонема отражается в нашем понятии через эти звуки речи, отражается в результате еще более серьезной абстрагирования работы человеческого мышления: познается мышлением путем абстрагирования от позиционных артикуляционно-акустических признаков звуков речи.

Подобно тому, как любое слово, например *да*, следовательно, и звуки *д* и *а* в его составе, может быть произнесено по-разному (в разной степени громко, в разной степени протяжно, в разной степени интенсивно, басом, альтом, сопрано и т. д., сердито или ласково, с самыми разнообразными интонационными окрасками), в форме физически разных единиц в зависимости от различных условий индивидуального и интонационного порядка, точно так же любая фонема может иметь свое проявление, свою реализацию в форме разных звуков речи в зависимости от позиции данной фонемы в слове или в сочетании слов, в том или другом звуковом окружении. Например, фонема *д* приставки *под* звучит как *д* в слове *подучить*, как *т* в слове *подпись*, как *ч* в слове *подчас* [паччас].

Подобно тому, как звуки речи можно распознавать и различать только через звучащие физические единицы, но не по тем их признакам, которые являются побочными, приобретенными в зависимости от условий индивидуального и интонационного порядка, а по тем, которые являются определяющими признаками того или другого звука речи (локализация и отсут-

¹ «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка,» т. XI (1952), вып. 4.

ствие локализации, лабиализация и отсутствие лабиализации, переднеязычность, среднеязычность и заднеязычность, палатализация и отсутствие палатализации, звонкость и глухость, взрывность и фрикативность и т. п.), точно так же фонемы можно распознавать и различать только через звуки речи, но не по тем их признакам, которые являются только через звуки обусловленными их позицией, приобретенными ими под воздействием того или другого звукового окружения, а по тем, которые свойственны сущности этих звуков, которые относятся к природе той или другой фонемы и которые обнаруживаются тем полнее, чем свободнее данная фонема от воздействия звукового окружения, от побочных позиционных признаков.

Например, когда мы говорим *из класса*, мы слышим вторым звук *с*, когда говорим *из школы*, то второй звук произносится как *ш* [ишшкблы], когда говорим *из журнала*, то слышим *ж* [ижжурнала], когда говорим *из армии*, то слышим *з*. Но эти разные звуки (*с*, *ш*, *ж*, *з*) суть проявления одной и той же сущности, то есть одной и той же фонемы, которая полнее проявляет свои природные свойства в сочетании *из армии*, где звучит как *з*, так как согласные фонемы русского языка, согласно фонетическим нормам этого языка, полнее проявляются в позициях перед гласными фонемами *а*, *о*, *у*.

Возьмем другой пример. В первых слогах слов *воду*, *вода*, *водовоз* и *водяной* мы произносим и слышим четыре качественно различных гласных звука, обозначаемых в письме буквой *о*. Но эти четыре разных звука принадлежат к одной и той же фонеме, имеющей наиболее полное свое проявление в слове *воду*, где звучит как *о*, так как заднеязычные гласные фонемы русского языка, согласно фонетическим нормам этого языка, полнее проявляются в позиции, в которой находятся под ударением и не имеют по соседству мягкой согласной.

Из приведенных примеров видно, что фонема не всегда выступает на поверхности звуковых явлений языка в непосредственной форме. Звук речи часто не совпадает с фонемой, к которой он относится. Как мы видели выше, звуки *с*, *ш*, *ж* и др. могут быть обнаружением фонемы *з*. Это вполне понятно, когда под фонемой разумеется сущность звука речи, а под звуком речи — форма проявления фонемы.

«Если бы форма проявления, — писал Маркс, — и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»².

Из приведенных примеров также видно, что фонема раскрывает себя, развертывает свои стороны, находит свое осуществление только в звуках речи и через звуки речи. Равным образом, любой членораздельный звук речи может быть только обнаружением фонемы. Ибо, как писал В. И. Ленин, «сущность является. Явление существенно»³.

Таким образом, фонема и звук речи составляют две взаимно связанные и обусловленные стороны одного и того же факта языка, причем фонема составляет основу, внутреннюю сторону этого факта, звук речи — внешнюю его сторону.

Из сказанного понятно, что отношение звука речи к фонеме есть отношение отдельного к общему⁴, а «отдельное, — говорил В. И. Ленин, — не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное»⁵.

Из сказанного также понятно, что познание фонемы есть научная абстракция, т. е. отвлечение от побочных признаков, приобретенных благодаря месту данной фонемы в данном звуковом окружении, и выделение и обобщение наиболее существенных признаков, свойственных сущности той или иной группы звуков речи.

² К. Маркс, Капитал, т. III, М., 1950, стр. 830.

³ В. И. Ленин, Философские тетради, Огиз, 1947, стр. 237.

⁴ Ср. Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, Л., 1937, стр. 18.

⁵ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 329.

Таким образом, если каждый данный звук мы воспринимаем своим чувством слуха, то фонемы мы познаем нашим умом, так как абстракции, как говорил Энгельс, это «умственные, а не чувственные вещи»⁶.

Из сказанного ясно, что в общем понятии, например «фонема з», отражаются не только эти отдельные качественно разные звуки речи (*с, ж, ш, з* и др.), различие которых обусловлено различием позиций, но и внутренние связи этих звуков — связи, ведущие к единой сущности: в данном случае к фонеме *з*.

Итак, восходя из конкретных звуков речи *с, ж, ш* и др. к абстрактному, называемому фонемой *з*, и проникая, таким образом, в сущность этих конкретных звуков, наше мышление отражает эти звуки глубже, вернее, полнее, доходит до пониманий закономерностей изменений этих звуков, до понимания их причинных связей.

«Мышление, — писал В. И. Ленин, — восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное*... — от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные... абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»⁷.

2. Подобно тому, как каждый данный звук речи, например звук [б], есть сущность разнообразных звучаний, отличающихся друг от друга по интенсивности, степени громкости, тембровым окраскам и т. д., словом по таким признакам, которые обусловлены:

а) непрерывно изменяющимися физиологическими и психологическими особенностями говорящего,

б) характером интонации той фразы, к которой принадлежит данный звук, и

в) местом данного звука в цепи интонационного целого, точно так же каждая данная фонема, например фонема *о*, есть сущность ряда качественно различных звуков речи, различие которых обусловлено различием мест (позиций) в том или ином окружении звуков: звука [б] в слове *воду*, [а] в первом слоге слова *вода*, [э] в первом слоге слова *водовоз* и др.

Подобно тому, как звук [á], например в слове *да*, не становится другим звуком речи от того, что произносится он громче или тише, более протяжно или менее протяжно, сердито или ласково и т. д., точно так же фонема *а* не становится другой фонемой от того, что произносится она:

а) под ударением между твердыми согласными (напр., в слове *сад*) или между мягкими согласными (напр., в слове *часть*), несмотря на то, что в первом случае мы имеем звук [á], во втором случае — звук [ạ́];

б) в предударном слоге между твердыми согласными (напр., в слове *сады*) или между мягкими согласными (напр., в слове *частей*), несмотря на то, что в первом случае мы имеем дело со звуком [а], во втором случае — со звуком [э], имеющим гораздо больше внешнего сходства со звуком [и], нежели с [á] или [ạ́], или [а].

Если звук [б] есть сущность разнообразных звучаний, разнообразие которых обусловлено разнообразием индивидуального и интонационного порядка, звук [а] — сущность такого же рода разнообразных звучаний и т. д., то фонема *о* есть сущность определенных качественно различных звуков речи: [б] в *кон*, [б̄] в первом слоге слова *тётя*, [а] в первом слоге слова *конов*, и др., различие которых происходит только из-за различия позиций, фонема *а* — сущность аналогичных качественно разных звуков русской речи и т. д.

Таким образом, если слова «звук [б]», «звук [а]» и т. д. выражают сущности первого порядка, то слова «фонема *о*», «фонема *а*», и т. д. выражают более глубокие сущности — сущности второго порядка.

⁶ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1948, стр. 189.

⁷ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 146.

«Мысль человека, — пишет В. И. Ленин, — бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т. д. без конца»⁸.

3. Звук речи является неделимой частью слога, а фонема — неделимой частью морфемы⁹, и потому в процессе изменений слов и их соотношений фонема несравненно более устойчива (т. е. менее изменчива), чем ее проявление (звук речи), точно так же, как звук речи несравненно более устойчив, чем его проявление (звуковой эффект той или иной интенсивности, той или иной тембровой окраски и т. д.).

Иначе говоря, сущность второго порядка более устойчива, чем ее проявление в форме сущности первого порядка, и сущность первого порядка несравненно более устойчива, чем форма ее проявления.

Например, в словах с *Ольгой*, с *братом*, с *Шурой*, с *Женей*, с *чаем* мы имеем первые слоги: *соль*, *збра*, *шшу*, *жжсе*, *ща* с первыми звуками: *с*, *з*, *ш*, *ж*, *щ*. Первая же морфема во всех этих словах одна и та же *с* (предлог), состоящая из одной и той же фонемы *с*, которая в одной фонетической позиции звучит как *с*, в другой — как *з* и т. д. А звуки *с*, *з* и т. д. в составе слогов *соль*, *збра* и т. д. произносятся на бесчисленное число ладов в зависимости от условий индивидуального и интонационного порядка.

4. Определенные качественно разные звуки речи могут быть в одних случаях проявлениями одной и той же сущности, то есть вариантами одной и той же фонемы, в других случаях — вариантами разных фонем. Для того чтобы установить фонемную принадлежность этих разных звуков речи, нужно взять их, во-первых, не изолированно, а в конкретной морфеме, во-вторых — не в застывшем, раз навсегда данном состоянии, а в состоянии изменения. Например, нельзя ответить на вопрос: к какой фонеме принадлежит звук *д*, к какой — звук *т*. Ибо здесь звуки взяты изолированно. Другое дело, когда эти звуки берутся в неразрывной связи с окружающими звуками, например, в словах *отпуск* и *отблеск* (отблеск). Можно установить, к какой фонеме принадлежат эти звуки *т*, *д*, взятые в конкретной морфеме, но для этого нужно, изменив соотношение этой морфемы с другими морфемами, употребить ее в такой взаимной связи, где данная фонема (произносимая в одном из приведенных случаев как *т*, в другом как *д*) стояла бы в сильной позиции, т. е. перед гласной или сонорной согласной, например *отощел* (или *отобрал*, *отметил*, *отличие* и т. д.). Теперь можно не сомневаться, что и в слове *отпуск* и в слове *отблеск* мы имеем дело с фонемой *т*.

Если же звуки *т*, *д* взять в словах *патсбнный* (подсобный) и *адббрный* (отборный), то путем аналогичного же изменения позиций первых морфем, звучащих, как *пат* и *ад*, и употребления их в таких связях, как *подыскал* *отыскал*, где проверяемые фонемы находятся в сильной позиции, можно убедиться в том, что в слове *патсбнный* *т* является одной из форм звучания фонемы *д*, а в слове *адббрный* это фонема *т* звучит как *д*.

Чтобы выявить природные свойства фонем, надо употребить их в сильной позиции, освободив тем самым от тех побочных признаков, которые приобретены ими из-за слабости позиции в данном окружении звуков. Чтобы фонемы, звучащие как *а* и *с* в первой морфеме слова *раскрытие* оказались в сильных позициях, достаточно присоединить эту морфему к морфеме *иск*: *розыск*. Теперь можно не сомневаться, что и в слове *раскрытие* вторая фонема есть *о* (но звучит как *а*), а третья фонема — *з* (которая звучит как *с*).

5. Один звук речи в определенных соотношениях с другими звуками может быть проявлением двух разных фонем. Например, звук [щ] в слове

⁸ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 237.

⁹ Ср. И. А. Бодуэн де Куртене, *Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков*, «Русский филологический вестник», т. V (1881), № 2, стр. 333—334.

читат', где фонема *с* вместе с фонемой *ч*, согласно закону русской орфоэпии, звучит как один звук [щ], в чем можно убедиться при изменении соотношения морфем, в составе которых находятся эти фонемы, так, чтобы проверяемые фонемы освободились от тех побочных свойств, которые приобретены ими под воздействием соседних фонем, например, *суметь, читать*, где мы ясно слышим *й с* и *ч*¹⁰.

7. Некоторые фонемы в определенных слабых позициях могут не иметь звукового проявления¹¹, например, в словах *повестка* и *поездка* фонемы *т* и *д*, которые обнаруживаются при изменении этих слов и употреблении их, например, в формах *повесток* и *езда*.

Из всего сказанного должно быть ясно, что для установления сущности, т. е. фонемной принадлежности любого звука речи в составе любой морфемы нужно уметь отличать позиционные артикуляционно-акустические признаки от тех, которые не являются позиционными, а относятся к сущности данного звука речи, составляя природные ее свойства, и обнаруживаются тем полнее, чем сильнее позиция фонемы.

8. Отдельные зависимые от звукового окружения варианты фонем, морфологизуясь, т. е. становясь признаком какой-либо грамматической формы, приобретают определенную самостоятельность и устойчивость, в силу чего они сами оказывают воздействие на соседние фонемы, сообщая последним то или другое артикуляционно-акустическое свойство. Иначе говоря: процесс морфологизации зависимых вариантов фонем способствует превращению следствия в причину.

Ярким примером такой морфологизации может служить вариант [õ] фонемы *о* в формах 2-го и 3-го лица ед. числа и 1-го и 2-го лица мн. числа настоящего времени глаголов первого спряжения: *н'ьс' õ ш, н'ьс'õт, н'ьс'õм, н'ьс'õт'ь* (*несёшь, несёт, несём, несёте*).

Устойчивость этого морфологизованного варианта [õ], зависящего от предшествующей мягкой согласной фонемы, имеет свое обнаружение в формах *пекёшь, пекёт, пекём, пекёте* и *берегёшь, берегёт, берегём, берегёте*, имеющих широкое распространение в диалектах вместо *печёшь, печёт* и т. д. и *бережёшь, бережёт* и т. д., а также в формах *ткёшь, ткёт, ткём, ткёте* русского литературного произношения.

Согласно фонетическим нормам русского языка согласные фонемы *к* и *г*, когда предшествуют гласной фонеме *о*, имеют заднеязычное произношение: *колокол, гоголь* и т. д. В примерах же *ткёшь, ткёт, берегёшь* и т. д. средняяязычность *к* и *г* обусловлена не вообще последующей гласной фонемой *о*, а особым вариантом этой фонемы, вариантом [õ], который своим появлением в русском языке обязан предшествующей мягкой согласной фонеме, от которой и зависит, но этот зависимый вариант, становясь признаком вышеназванной грамматической формы и приобретая таким образом морфологическую значимость в языке, приобретает тем самым определенную устойчивость и силу воздействия на непосредственно предшествующие согласные.

Итак, изменение *к* и *г* в сторону средняяязычности перед морфологизованным [õ] происходит по той же самой артикуляционной причине, что перед средняяязычными фонемами *и* и *э* (ср. средняяязычность *к* и *г* в *руки, руке, ноги, ноге*, в отличие от *к* и *г* в *рука, нога, рукой, ногой* и п.).

Сказанное говорит о том, что нельзя согласиться с Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым, по мнению которых средняяязычность *к* в *ткёшь, ткёт* и пр. не зависит от последующего [õ], и что *к* здесь, как исключение,

¹⁰ Ср. А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1947, стр. 76.

¹¹ Ср. J. Baudouin de Courtenay, Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Strassburg, 1895, стр. 88; П. С. Кузнецов, К вопросу о фонематической системе современного французского языка, «Ученые записки Московского городского педагогического института, кафедра русского языка», т. V, вып. 1, М. 1941, стр. 76—77.

составляет самостоятельную фонему, отличную от *к* форм *тку, ткать* и пр.¹².

9. Из всего сказанного должно быть ясно, что звук [ь] в словах *н'ьсú, в'ьсло* относится к фонеме *о*, которая, как закон, не знающий ни единого исключения, произносится как [ь] в безударном слоге после мягкой согласной фонемы, в позиции же под ударением обнаруживает свои природные особенности: *нѣс, вѣсла*. Тот же самый звук [ь] в слове *вл'ьсú* относится к фонеме *э*, которая также в этой позиции закономерно, т. е. как фонетическое правило, не знающее исключения, произносится [ь], а в позиции под ударением проявляет свои особенности: *лес*.

Нельзя, следовательно, согласиться с Л. Р. Зиндером, по мнению которого изменение гласных в первых слогах слов *нѣс — несú, вѣсла — весло* и т. п. есть «чередования, которые никак не могут быть подведены ни под какие правила фонетического характера»¹³.

* * *

Нам не представилось возможным обсудить в данной статье все те вопросы теории фонем, которые затронуты в работе С. К. Шаумяна; поэтому пришлось пока ограничиться изложенным.

¹² См. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Очерк грамматики русского литературного языка, М., 1945, стр. 198.

¹³ Л. Р. Зиндер, Вопросы фонетики, Л., 1948, стр. 27.